

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА ТУРГЕНЕВСКИХ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА “ЧЕРНЫЙ МОНАХ”

© 2004 Л.Г. Петракова

Воронежский государственный педуниверситет

Антон Павлович Чехов высоко ценил творчество Ивана Сергеевича Тургенева. Известны строки писем А. П. Чехова А. С. Суворину: “Я читаю Тургенева. Прелесть, но куда жиге Толстого!” (13 февраля 1893 г.) [1, 171]; “Боже мой! Что за роскошь “Отцы и дети”! Просто хоть караул кричи. <...> “Накануне” мне не нравится всё, кроме отца Елены и финала. Финал этот полон трагизма. Очень хороша “Собака”: тут язык удивительный. <...> “Ася” мила, “Затишье” скомкано и не удовлетворяет. “Дым” мне не нравится совсем. “Дворянское гнездо” слабее “Отцов и детей”, но финал тоже похож на чудо” (24 февраля 1893 г.) [1, 174]. В письме 15 августа 1894 г. дана характеристика читателей Баранцевича: “Для этой публики Толстой и Тургенев слишком роскошны, аристократичны, немножко чужды...” [1, 311].

С другой стороны, осознавая различие и неповторимость двух творческих индивидуальностей — тургеневской и собственной, — Чехов говорил И. А. Бунину, что его “допекали “тургеневскими нотами» [2, 492].

В данной работе предпринимается попытка проследить, как мотивы и образы Тургенева, преломляясь и видоизменяясь, отразились в повести “Черный монах”.

Отсылку к рассказу И. С. Тургенева “Живые моши” содержат размышления Коврина: “Искренно, в глубине души, свою женитьбу на Тане он считал теперь ошибкой, был доволен, что окончательно разошелся с ней, и воспоминание об этой женщине, которая в конце концов обратилась в ходячие живые моши и в которой, как кажется, уже всё умерло, кроме больших, пристально вглядывающихся умных глаз, воспоминание о ней возбуждало в нём одну только жалость и досаду на себя” [3, 254].

У Тургенева в “живые моши” превратилась красавица Лукерья: её “голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая — ни дать ни взять икона старинного письма; нос узкий, как

лезвие ножа; губ почти не видать, только зубы белеют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди желтых волос” [4, 327-328].

Контрастность прежнего и нового облика Лукерьи проявляется в авторском параллелизме таких черт героини, как “мумия” и “первая красавица во всей нашей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певунья” [4, 328], в “каменной неподвижности ... живого, несчастного существа” [4, 332]. Обращает на себя внимание читателей “лицо не только не безобразное, даже красивое, — но страшное, необычайное” [4, 328], с которого, “темного” и “неподвижного”, устремлены “светлые и мертвенные глаза” [4, 277]. В портретной характеристике постаревшей Тани содержится чеховская рефлексия на тургеневское описание: в ней “всё уже умерло, кроме больших, пристально вглядывающихся умных глаз”. Однако два образа “живых мошей” противоположны: живому существу с мертвенными глазами у Тургенева соответствует почти умершее с живыми глазами — у Чехова.

Происходящие в Тане перемены тоже чем-то напоминают состояние Лукерьи, но опять-таки в обратной проекции. При том, что Таня “за обедом ничего не ела, не спала по целым ночам, ожидая чего-то ужасного, и так измучилась, что однажды пролежала в обмороке от обеда до вечера”, “она уже не могла смеяться и петь” [3, 251], в то время как Лукерья пыталась улыбаться и пела песню “Во лузях”.

Схожи обе болезни: свою Лукерья понимает по-простонародному — “стала я сохнуть, чахнуть; *чернота* (выделено нами — Л. П.) на меня нашла” [4, 329]. Причина омертвения Тани — Черный монах, воцарившийся в сознании Коврина. Случай, имевший роковые последствия для тургеневской героини, произошел ночью в саду, где Лукерья слушала пение соловья, и ей почудилось, что её кто-то зовет голосом жениха. Она оступилась и, упав, почувствовала, “будто что-

то внутри порвалось”. В ночном саду звучит в повести Чехова серенада Брага, в которой “девушка, больная воображением, слышала <...> какие-то таинственные звуки...” [3, 232-233].

Несчастье, связанное с галлюцинацией, — ключевое событие не только в жизни Лукерьи, но и в судьбе Коврина. Но опять-таки и в этой конфигурации физическая болезнь Лукерьи не нарушает её духовного равновесия, у Коврина же галлюцинации — проявление душевного расстройства, впоследствии перерастающего в тяжкий недуг (“У него шла горлом кровь” [3, 253]).

Герои по-разному реагируют на свое новое состояние. Коврин напряженно осмысливает собственную жизнь и ее значение в истории человечества. Лукерья предпочитает “не думать”. Фаталистический стоицизм однако не означает полную бездумность как таковую: смиренно принимая свой крест, героиня Тургенева уверена, что “иным еще хуже бывает” [4, 330], “многим хуже моего бывает” [4, 330], находя утешение в окружающих: “Только думается мне: будь около меня люди — ... ничего бы я не чувствовала, кроме своего несчастья” [4, 333]. Для чеховского Коврина такое мироощущение чуждо: не испытывая физической боли, он в отчаянии от мук душевных. Возводя их в абсолют, герой винит своих близких и говорит: “Доктора и добрые родственники в конце концов сделают то, что человечество отупеет, посредственность будет считаться гением и цивилизация погибнет” [3, 251-252]. Вселенская масштабность заслоняет от магистра его жену и Егора Семеныча, и он не замечает страданий конкретных людей, заботясь о благе абстрактного человечества.

В отличие от Коврина, человек из простонародья знает, что каждый должен думать о душе сам (даже когда речь идет о физическом исцелении): “Да, барин, милый, кто другому помочь может? Кто ему в душу войдет? Сам себе человек помогай!” [4, 333]. В чеховской повести вхождение Черного монаха в душу героя происходит беспрепятственно, герой не в силах справиться с призраком, завладевшим его существом. Когда Коврин излечивается от галлюцинации, опустошается его душа и не остается ничего, кроме постыдных воспоминаний, как он “вымещал на них в чем не повинных людей свою душевную пустоту, скуку, одиночество и недовольство жизнью” [3, 254].

Коврин расстается с Таней, рвет в клочки свою диссертацию и статьи, так и не обретя ничего взамен мании величия. У Лукерьи же есть то, чего нельзя отнять, — покровительство и заступничество: она учит девочку-сиротку петь песни, передавая ей духовный опыт русского народа, и просит барина сбавить оброк с крес-

тьян. Виденный ею сон: “Надеваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, всё поле кругом осветила” [4, 335], — утверждает Лукерью в праведности ее жизни, в конечной награде за нее.

В таком контексте попытки механического деления людей на разряды и обнаружения в толпе “служителей высшему началу, живущих сознательно и свободно” [3, 242], обречены на неудачу. Беседу Коврина с Черным монахом на эту тему как бы “иллюстрируют” слова Лукерьи об ученом докторе: “Вот так-то раздоктор сюда приехал, осматривать меня захотел. Я его прошу: “Не тревожьте вы меня, Христа ради”. Куда! переворачивать меня стал, руки, ноги разминал, разгинал; говорит: “Это я для учености делаю; на то я служащий человек, ученый! И ты, говорит, не моги мне противиться, потому что мне за мои труды орден на шею дан, и я для вас же, дураков, стараюсь”. Потормошил, потормошил меня, назвал мне мою болезнь — мудрено таково — да с тем и уехал. А у меня потом целую неделю все косточки ныли” [4, 332].

Примечательно, что Лукерью даже болезнь не лишает способности чувствовать природу, ее ощущения обострены: “Смотрю, слушаю. Пчелы на пасеке жужжат да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдет с цыплятами крошек поклевать; а то воробей залетит или бабочка — мне очень приятно” [4, 331]. У Коврина отношение к красоте окружающего мира меняется: сначала он любит ее, затем, осознав собственную посредственность и не желая мириться с ней, перестает наслаждаться природой. Лишь в последние минуты жизни Коврин понимает ценность того, что он потерял: “он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна” [3, 257].

Два произведения, на наш взгляд, связывает мотив уходящей жизни. Последним минутам жизни героев сопровождают особенные звуки. Лукерья “в самый день кончины... всё слышала колокольный звон”, который “шел не от церкви, а “сверху”. Вероятно, она не посмела сказать: с неба” [4, 338], — таково завершение рассказа И. С. Тургенева, с его пафосом христианского смирения, прощения и обретения успокоения в праведной кончине.

Гораздо более сложен, загадочен и многозначителен финал повести А. П. Чехова. Писатель передает все подробности переживаний героя: при звуках серенады Брага у Коврина “захватило дыхание, и сердце сжалось от грусти, и чудесная, сладкая радость, о которой он давно уже за-

был, задрожала в его груди” [3, 256]. Коврин вновь лицезреет Черного монаха и опять преисполняется веры в свою избранность. Желая позвать Варвару Николаевну, он обращается к Тане, ощущает “невыразимое, безграничное счастье” [3, 257] и умирает с блаженной улыбкой на лице. Примирение чеховского героя с жизнью – лишь одна из возможных, но не окончательных трактовок последних строк “Черного монаха”.

Исходя из этих наблюдений, можно предположить, что образ Лукерьи явился своеобразной предпосылкой определенной интерпретации чеховских образов. Сопоставление двух далеких, на первый взгляд, литературных произведений может служить аргументом значимости духовного и душевного здоровья человека в процессе

осознания смысла жизни, понимания самого себя и обретения счастья в трактовке чеховских размышлений и вместе с тем – подтверждением творческой плодотворности любой авторской рефлексии на чужой текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. – М., 1977. – Т. 5.
2. Бунин И. А. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1986. – С. 482-498.
3. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. – М., 1977. – Т. 8.
4. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. – М., 1979. – Т. 3.